

Голгова и Воскресеніе.

(Продолженіе *).

Въ военное время прекращаютъ или значительно ослабляютъ свою дѣятельность даже научныя и просвѣтительныя учрежденія, служащія цѣлямъ науки и искусства. Въ настоящее время даже работа кабинетныхъ ученыхъ связана тончайшими, незримыми нитями съ разными отраслями человѣческаго труда и съ жизнью всего человѣческаго труда и съ жизнью всего человѣчества. Современный Молохъ, узурпируя науку и искусство, является ихъ убійцей.

Такъ образомъ современная война потрясаетъ всѣ основы международной жизни, всѣ насаженные вѣковыми усиліями человѣка пути жизни. Современный „просвѣщенный“ человѣкъ, гордый своими знаніями и пріобрѣтеніями, изъ культурнаго обладателя воздуха, земли и морей, среди хаоса міровой борьбы, становится похожимъ на мелкаго, голаго, первобытнаго, пещернаго человѣка съ опущенными руками, съ блуждающимъ взоромъ, съ печатью растерянности на лицѣ. Смерть встала надъ міромъ.

Ея черныя, холодныя крылья до реальной осязательности рѣютъ надъ нашими головами. Совершается катастрофа, опрокидывающая сдѣланныя доселѣ выкладки и расчеты... Сразу устарѣли всѣ руководства и учебники исторіи, географіи, политической экономіи, статистики... Начался всеобщій пожаръ комфорта и цивилизаціи. „Производительныя силы“, темпъ развитія которыхъ такъ увѣренно предрасчисляла экономическая наука, сгораютъ въ огнѣ великой войны. Объять пламенемъ міровой капитализмъ. Гдѣ теперь эволюціонисты? Конечно, вполнѣ возможно причинно и эволюціонно объяснить и происходящее нынѣ, но вѣрно то,

что теперешній поворотъ исторіи совершенно не предполагался эволюціонными схемами. Самые смѣлые эволюціонисты мечтали лишь о перераспредѣленіи благъ, происходитъ-же нѣчто, гораздо болѣе потрясающее, чѣмъ всѣ бывшія доселѣ революціи. Была Бельгія, промышленная, кооперативная, благоустроенная. И вотъ теперь та-же Бельгія, но уже бездомная, скитающаяся, лишенная своего мѣста, въ прочность котораго вчера еще такъ крѣпко вѣрилось; не пощажены ея „производительныя силы“, погублена промышленность, стали фабрики и кооперативы, и будущее превратилось для нея въ какую-то зіяющую дыру, темную загадку. Съ людьми 20 вѣка произошло въ сущности то-же, что бываетъ съ жителями мѣстности, объятай землетрясеніемъ. Во время землетрясенія люди выбѣгаютъ съ насиженныхъ мѣстъ, изъ годами созданнаго уюта, выбѣгаютъ „въ чемъ спали“ и, щадя себя, бѣгутъ отъ скопленнаго „добра“, которое раньше такъ любили, къ которому такъ крѣпко прилѣпились сердцемъ. „Культурный“ человѣкъ 20 вѣка самъ создалъ землетрясеніе, и среди ужасовъ его вмѣсто европейской фигуры въ цилиндрѣ и сюртучной парѣ вдругъ оказался отрѣшенный отъ своего мѣста, голый, первобытный человѣкъ. Ему остается среди потрясеній міровой Голгофы лишь обратить свое лицо къ небу и изъ глубины покаявшагося сердца воскликнуть: „Боже мой, Боже мой, спаси мя!“

Но, говоря объ ужасахъ современной войны, о вызываемыхъ ею потрясеніяхъ въ государственной и международной жизни, мы не должны забывать еще и послѣдствій ея какъ для всего человѣчества, такъ, въ частности, и для cadaго изъ насъ. Съ точки зрѣнія международныхъ отношеній война, выражаясь языкомъ медицинской науки, является безусловно операціей хирургическаго характера. Но всякая операція, проведенная даже удачно, оставляетъ послѣ себя болѣзненные слѣды. То-же самое и съ государственнымъ организмомъ. Война окончится, но на ликвидацію послѣдствій ея потребуется и время и, главнымъ образомъ, денежныя средства. Эти средства народъ долженъ будетъ найти у себя. Долгое время каждый изъ гражданъ часть своего труда долженъ будетъ жертвовать на покрытіе расходовъ, произведенныхъ во время войны. Положеніе обостряется еще отъ того, что значительная часть трудоспособныхъ людей или останется въ братскихъ могилахъ или вернется домой инвалидами, и плательщиками налоговъ будутъ ихъ семьи, т. е. женщины и дѣти, лица меньшей трудоспособности. При этомъ, если какому-либо изъ государствъ не удастся добиться серьезныхъ

компенсацій, то эхо войны можетъ докатиться до третьяго и четвертаго рода: воевали Карлы и Францы, а плательщиками военныхъ налоговъ будутъ ихъ внуки и правнуки.

Такимъ образомъ, всякая война со своими послѣдствіями, а тѣмъ болѣе настоящая война, въ которой участвуютъ 11 государствъ на протяженіи двухъ третей земного шара,—является сплошнымъ, длительнымъ ужасомъ, неся за собой смерть человѣку и гибель всему его достоянію. Настоящая европейская, или, вѣрнѣе, міровая война, представлялась слишкомъ ужасной и потому невозможной даже людямъ XVII-го вѣка. Такъ, французскій мыслитель конца XVII вѣка, аббатъ де Сень-Пьеръ писалъ въ своемъ утопическомъ „Проектѣ вѣчнаго мира“, что европейская война невозможна, потому что вся духовная и матеріальная культура стала слишкомъ общей, взаимной, чтобы такая война могла оказаться выгодной даже для побѣдителя. Миръ обезпечивается или долженъ быть обезпеченъ установленіемъ международнаго равновѣсія въ Европѣ. Данныя для такого равновѣсія на лицо: „Всѣ завоеватели, производившіе перевороты, говоритъ аббатъ, являлись съ неожиданными силами или съ иноземными войсками, по-разному обученными, являлись къ народамъ либо обезоруженнымъ, либо разъединеннымъ, либо лишеннымъ дисциплины. Но откуда взять европейскому государю неожиданныя силы, чтобы подавить силы всѣхъ другихъ, если самый могущественный изъ нихъ есть только малая часть цѣлаго и если всѣ другіе такъ бдительны? Можетъ быть, у него окажется больше денегъ? Но источники денегъ—общіе, и притомъ деньги никогда не дѣлали большихъ завоеваній. Или онъ произведетъ внезапное нападеніе? Голодь и укрѣпленія будутъ задерживать его на каждомъ шагу. Или онъ захочетъ усиливаться постепенно? Въ такомъ случаѣ онъ дастъ врагамъ возможность объединенія для сопротивленія. И тогда очень скоро ему не будетъ хватать ни времени, ни денегъ, ни людей. Или онъ постарается разединить остальные государства, чтобы одолевать ихъ каждое отдѣльно, при помощи другого? Европейскія установленія дѣлаютъ такую политику напрасной,—самый ограниченный государь не дастся въ эту западню“.

Позже Вольтеръ смѣялся надъ благодушіемъ аббата, называлъ его проектъ „химерой“ и утверждалъ, что его предложенія не могутъ найти осуществленія въ средѣ государей такъ-же, какъ въ отношеніяхъ между слонами и носорогами или между волками и собаками: „Плотоядная животныя всегда будутъ

драться при первой возможности“. Однако, тут же Вольтеръ сдѣлалъ смягчающее примѣчаніе, въ которомъ указывалъ, что сама по себѣ проблема мира не бессмысленна, но что такой миръ можетъ установиться только тогда, когда „всякій, кто вздумалъ-бы предпринять войну изъ гордости или по прихоти, считался врагомъ всѣхъ народовъ“. Здѣсь Вольтеръ, въ сущности говоря, вовсе не такъ далекъ отъ Сенъ Пьера. Зачинщика европейской войны онъ предлагаетъ считать „врагомъ всѣхъ народовъ“ именно потому, что такая война не можетъ быть выгодною даже для побѣдителя. И вотъ это основное условіе мира начинается, повидимому, сбываться.

Но, какъ-бы то ни было, казавшееся невозможнымъ и недопустимымъ для людей и мыслителей XVII и XVIII-го вѣковъ оказалось голымъ фактомъ въ XX вѣкѣ! За послѣднія десятилѣтія нѣкоторымъ коррективомъ для милитаристическихъ стремленій отдѣльныхъ слоевъ западно-европейскаго общества было такъ наз. социаль-демократическое теченіе. Давно-ли социаль-демократы утверждали свой интернационализмъ, свою полную противоположность національнымъ „буржуазіямъ“, и гордо заявляли, что пролетаріатъ не допуститъ европейской войны, что на ея объявленіе онъ отвѣтитъ всеобщей забастовкой? Что теперь стало съ рѣчами объ интернационализмѣ? Пока можно было ограничиваться словами, все шло хорошо, а когда дошло до дѣла, оказалось, что никакой интернациональной социаль-демократіи, противостоящей „буржуазному міру“, какъ реальной силы, не существуетъ. Впрочемъ, неискренность, напр., германскихъ социаль-демократовъ была видна еще два года тому назадъ, когда они въ рейхстагѣ вмѣстѣ съ „буржуями“ вотировали новыя десятиллионныя ассигновки на усиленіе германскаго флота. Теперь оказалось, что германскіе социаль-демократы—не освободители человѣчества, а дѣйствительные и сознательные насильники. Ничего не могли сдѣлать для предотвращенія войны и конференціи и различныя „лиги мира“. И такъ міровая война началась со всѣми ея ужасными послѣдствіями въ настоящемъ и будущемъ, и никакія научныя теоріи, никакія историческія силы не могли ее предотвратить. Миръ всего міра, о которомъ молится церковь, до сихъ поръ остается проблемой. Теперь долгъ всякаго человѣка серьезно вдуматься, дать себѣ отчетъ въ причинахъ возникновенія міровой войны и намѣтить тѣ пути, которыя могли-бы застраховать человѣчество отъ повторенія подобныхъ войнъ. Несомнѣнно, что человѣчество, съ міровой

Голговы, не будет имѣть желанія опять снова на нее вернуться, а будетъ желать и жаждаť духовнаго обновленія, устроенія жизни на иныхъ началахъ, будетъ жаждаť духовнаго *Воскресенія*.

Конечно, трудно мечтать о совершенномъ прекращеніи войнъ, и даже въ учебникахъ Закона Божія говорится, что война оборонительная, когда приходится защищать престоль и отечество, является войной священной. Но, напр., Св. Русь, не желая вести войны наступательной, войны захвата чужихъ территорій, порабощенія чужихъ народностей, во всякій моментъ можетъ быть вовлечена въ общую съ другими народами войну на основаніи договорныхъ соглашеній. Въ послѣднее время государства ассоціировались въ союзы, и война неизбежно носитъ характеръ борьбы одной группы государствъ съ другой. Слѣдовательно, мы, при всемъ желаніи избѣжать войны, всегда можемъ оказаться поставленными въ вооруженный лагерь и, не успѣвъ залѣчить ранъ, нанесенныхъ государству прежней войной, должны будемъ встрѣчать новыхъ раненыхъ и хоронить убитыхъ. Жизнь можетъ превратиться въ сплошную войну, и мы будемъ жить только для того, чтобы воевать. Военные ужасы будутъ еще ужаснѣе вслѣдствіе своего затяжного, хроническаго характера и вслѣдствіе новыхъ усовершенствованій военной техники. При такихъ условіяхъ особенно необходимо подумать о причинахъ возникновенія настоящей міровой войны и о способахъ къ предупрежденію ея въ будущемъ. Недостаточно только молиться о мирѣ всего міра, но надо прилагать и волю свою и сознаніе свое для осуществленія этого мира, все равно, какъ недостаточно молиться о изобиліи плодовъ земныхъ, но надо эти плоды насаждать и въ дѣйствительности.

* * *

Теперь считается окончательно установленнымъ, что настоящая война порождена Германіей и, главнымъ образомъ, германскимъ имперіализмомъ и юнкерствомъ. Что-же это за кровавадныя чудовища: германскій имперіализмъ и юнкерство? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо заглянуть въ прошлое исторіи Германіи. Въ 1870 г. Германія разгромила теперешнюю нашу союзницу Францію, германскіе полки вошли въ Парижъ, и униженные парижане должны были отдать нѣмцамъ свои пушки. 10 мая 1871 года во Франкфуртѣ былъ заключенъ договоръ, по которому Германія получила пятимилліардную контрибуцію, присоединила къ себѣ двѣ цвѣтуція провинціи Эльзась и Лотарингію и обязалась срыть нѣкоторыя изъ своихъ крѣпостей.

Затѣмъ произошло объединеніе Германіи, объединеніе путемъ „железа и крови“, т. е. въ результатѣ военной побѣды надъ Франціей, а не путемъ мирнаго соглашенія германскихъ народовъ. Благодаря объединенію и пятимиллиардной контрибуціи, Германія стала быстро крѣпнуть экономически. Населеніе ея быстро растетъ. Съ поразительной быстротой развивается капиталистическая промышленность. Уже къ началу 80 г.г. Германія накопила у себя огромныя колоніальныя владѣнія, которыя по пространству превышали почти въ 5 разъ метрополию. Капиталистически развитыя страны Европы и Америки становятся главнымъ преобладающимъ рынкомъ для германской промышленности. Успѣшно завоевывая рынки, германская промышленность и у себя дома расширяетъ сферу приложенія рабочихъ рукъ. Раньше сотни тысячъ нѣмцевъ искали работы за океаномъ; теперь, наоборотъ, начинается имиграція: рабочіе изъ чужихъ странъ ѣдутъ въ Германію, чтобы удовлетворять нарастающимъ требованіямъ промышленности и сельскаго хозяйства. Въ чемъ-же дѣло? Почему Германіи, всетаки, тѣсно у себя дома, почему она стремится къ расширенію? Тѣсно въ Германіи не рабочимъ, тѣсно не существующей промышленности, а тѣсно быстро накапливающемуся капиталу, тѣсно, потому что онъ накапливается слишкомъ быстро, чтобы цѣликомъ находить у себя приложеніе на родинѣ. Этотъ ростъ ищущаго себѣ приложенія капитала и является основой того безпокойнаго имперіализма Германіи, который такъ сильно давалъ себя чувствовать въ послѣднее время и который толкнулъ Германію на войну. Огромныя колоніальныя владѣнія, пріобрѣтенныя Германіей, мало удовлетворяя стремленіямъ растущаго капитала,—только разжигали жажду его къ новымъ пріобрѣтеніямъ, но Германіи приходилось признать, что мѣста на земномъ шарѣ въ значительной степени уже заняты странами, пришедшими раньше, и что всякія новыя завоеванія будутъ получаться съ трудомъ, будутъ создавать противорѣчія и затрудненія съ другими странами. Отсюда вытекаетъ выводъ: нужно вооружаться и готовиться къ борьбѣ. Заманчивый примѣръ удачной военной борьбы былъ на лицо: въ 70-хъ годахъ Германія путемъ военнаго захвата французскихъ провинцій обогатила себя, и этотъ примѣръ кружилъ голову прусскому юнкерству.

Мало по малу военные круги начинаютъ и въ сознаніи широкихъ массъ населенія прививать мысль, что экономическіе и военные успѣхи тѣсно, неразрывно связаны между собой. Милитаристическій духъ проникаетъ во всѣ слои германскаго

населенія. Приглашается на службу милитаризму и германская школа—отъ начальныхъ училищъ до университетовъ включительно. Даже богословіе стремится обосновать аппетиты юнкеровъ и узаконить захваты германскаго капитала. Появляются своего рода философы—апологеты воинствующаго германскаго капитализма; они пишутъ трактаты и говорятъ напыщенные рѣчи объ особыхъ свойствахъ германскаго духа, о правѣ германцевъ на міровое господство. Сынамъ фатерланда внушалась мысль, что нѣмцы—это особый, избранный народъ, способный къ культурѣ, тогда какъ славянскія народности, по своей инертности и другимъ духовнымъ качествамъ, могутъ быть лишь рабами. Но когда балканскій союзъ разбилъ на голову турокъ, то нѣмцы нѣсколько опомнились отъ своего національнаго самообольщенія, поняли, что славянскія націи годны не для одного рабства, и въ тоже время въ возрастающемъ вліяніи славянства на балканахъ увидѣли преграду для своего наступательнаго шествія къ Царьграду въ цѣляхъ „египтизаціи“ Турціи. Босфоръ и Дарданеллы, находящіяся въ рукахъ могущественной Германіи, были-бы мечомъ, направленнымъ остриемъ къ самой груди Россіи. Вотъ почему Германія, упоенная имперіалистическими стремленіями, не ожидала возможности соглашенія съ Россіей и не стремилась къ нему. Между тѣмъ, быстро возрастающее военное и экономическое могущество слѣпило Германіи глаза, взвинчивало юнкерство и представителей капитала, ослабляло чутье по риску и опасностямъ, а германская дипломатія, не считающаяся съ общественнымъ мнѣніемъ, заколдовавшая совѣсть массъ населенія, направляла корабль своей страны чѣмъ дальше тѣмъ все прямѣе и рѣшительнѣе къ войнѣ. При этомъ Вильгельмъ, разыгрывающій теперь роль невиннаго агнца, оказалъ немаловажную услугу въ дѣлѣ подготовки міроваго пожара.

И такъ, Германскій капитализмъ—вотъ что собственно является объектомъ, вызвавшимъ міровой пожаръ! Золото, жажда его пріобрѣтенія породила океанъ слезъ, залившихъ весь міръ! А германскіе поклонники золотого тельца являются міровыми преступниками. Они внесли въ исторію жизни человѣчества позорнѣйшія страницы, подобныхъ которымъ не бывало никогда. При всей сложности и многогранности вопроса о причинахъ войны, логика германскихъ золото-поклонниковъ представляется до чрезвычайности ясной: весь Божій міръ,—по мнѣнію ихъ,—это—большой, лакомый кусокъ. А такъ какъ всѣ народы хотятъ пользоваться отъ этого куска, то преимущественное право на это

пользованіе будетъ имѣть тотъ, у кого „кулакъ“ сильнѣе. Слѣдовательно, нужно этотъ кулакъ забронировать. Правъ тотъ, кто силенъ. Надо какъ можно больше ножей приготовить для сосѣдей. И германизму въ этой міровой ножевищнѣ, несомнѣнно, поможетъ ихъ старый союзникъ—богъ! Чѣмъ больше будетъ ножей, тѣмъ дольше продлится миръ. Если не хочешь рѣзни, готовь на брата какъ можно больше ножей!

Такова логика, такова аморальная мораль германской ножевищины! А вдохновители ея (Бисмаркъ, Мольтке и К^о) придумали даже особую теорію „кровоупусканія“. По этой теоріи выходило, что какъ для отдѣльныхъ организмовъ полезно иногда кровоупусканіе, чтобы освободиться отъ излишка накопленной крови, такъ и для народовъ и государствъ полезна война, потому что она даетъ возможность примѣнить къ „дѣлу“ накопленные народныя богатства и силы. Война обновляетъ и освѣжаетъ государственный организмъ. *)

И кто же это говоритъ? Кто открыто объ этомъ вѣщаетъ *ubi et orbi*? Страна, принявшая имя Христа! Страна, усѣянная храмами съ крестомъ на верху, съ Распятіемъ внутри! Страна, гдѣ милліоны людей въ воскресные дни идутъ на молитву въ благоговѣйномъ настроеніи съ молитвенниками въ рукахъ. Страна, которая своими богословскими учеными сочиненіями давала неизмѣнный матерьялъ для нашихъ кандидатовъ на „степень доктора богословія!“ Страна поэтовъ, философовъ, мыслителей, художниковъ! Страна, въ которую мы, русскіе, послѣ зимнихъ работъ сотнями тысячъ уѣзжали „для отдыха въ культурной обстановкѣ!“ Страна, о которой наши торговцы говорили: „поми-луйте, мы худого товара не держимъ! У насъ весь товаръ— германской марки!“

Какъ же понять такое глубокое нравственное паденіе души германскаго народа? Какъ объяснить это ужасное явленіе, — что тѣ, къ которымъ мы ѣздили отдыхать душой, теперь прикалываютъ нашихъ плѣнныхъ, отрѣзаютъ имъ носы, языки, руки, бомбардируютъ съ облаковъ Красный Крестъ? Какъ случилось,

*) Нево имя-ли этой теоріи Германія разгромила Сербію, Бельгію, пустила по-міру Польшу? Не во имя-ли освѣженія убиваются старики, дѣти, насилуются женщины? Правда, настоящая война, несомнѣнно, вызоветъ обновленіе и освѣженіе, но... въ самой Германіи. вмѣсто Германіи, покоящейся на ножевищнѣ, возникнетъ новая Германія, съ иной государственной и общественной структурой. Но это будетъ уже не спасительное кровоупусканіе для прежней Германіи, а замѣна ея новой Германіей. Так. обр., авторы теоріи кровоупусканія сами рубятъ сукъ, на которомъ сидятъ.

что образованные сыны страны Гёте, воспѣвшаго Гретхенъ, цѣлой сотней солдатъ насилуютъ нашу сестру милосердія, привязавъ ее къ столбу и заражая ее венерическими болѣзнями?

Если нужно назвать основной грѣхъ германской души, то, кромѣ чисто фетишстической привязанности къ золоту, къ капиталу, въ области практической морали этотъ грѣхъ долженъ быть названъ грѣхомъ мѣщанства души. Подъ вліяніемъ ученій экономическаго матеріализма, германская душа, ослѣпленная плывущимъ со всѣхъ концовъ міра золотомъ, убаюканная житейскимъ комфортомъ, утробной сытостью, повѣрила въ прочность, законность, незыблемость того мѣста, которое создано, упрочено, украшено при посредствѣ золота. Создалось особое чувство *мѣста* и *вѣра* въ *мѣсто*, провинціальная приуроченность къ своему *мѣсту*, то, что иногда и зовется именно *мѣщанствомъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).
